

Совершенно не подготовившись, они столкнулись с матерью Цинь Сюя. Другая сторона была одета в хорошо сидящий костюм, и ее макияж был изысканно сделан. Очевидно, что та являлась деловой женщиной.

Цзян Ян внезапно почувствовал себя виноватым, как будто он был ребенком, которого только что поймали за тем, что он не должен был делать.

По сравнению с ним Цинь Сюй реагировал совершенно спокойно и даже сказал с вежливой улыбкой: "Здравствуйте, тетя. Я-одноклассник Цинь Сюя, Цзян Ян. Учитель назначил нам групповое задание, и я пришел работать над ним вместе с ним."

Видя вежливую натуру этого красивого и солнечного одноклассника, она кивнула и точно так же улыбнулась: "это так? К сожалению, у меня деловая поездка, так что я не смогу вас обслужить. Вы можете просто думать об этом месте как о своем собственном доме, и если вам что-нибудь понадобится, просто дайте знать Цинь Сюю."

"Это не проблема. Спасибо тебе, тетя.- Цинь Сюй махнул рукой и ответил, улыбаясь.

Цзян Ян посмотрел на матушку Цинь и быстро придумал отличную идею. С холодным выражением лица он сказал: "Мама, я хочу сделать пирсинг в ухе."

Мать Цинь на мгновение замерла. Она остановилась по пути в свою спальню и обернулась.

Цзян Ян подумал про себя: "очень хорошо. Вот так просто подойди и отругай меня и скажи, чтобы я этого не делал! Тогда у меня будет причина не делать этого!"

Однако мать Цинь равнодушно ответила: "Это так? Затем ты должен помнить о дезинфекции и избегать заражения раны."

Цзян Ян запротестовал: мама! Ты меня разочаровываешь!

Матушка Цинь сделала несколько шагов и вдруг вспомнила " " А разве в школе разрешают носить серьги?"

Надежда снова зажглась в Цзян Яне. Как он мог забыть такое!

Цинь Сюй в этот момент небрежно вставил: "это запрещено, но есть одноклассники, которые носят маленькие гвоздики. Они практически не видны. Ничего страшного, если их не увидят."

Мать Цинь кивнула и посмотрела на Цзян Яна очень открытым взглядом: "тогда ты можешь делать все, что захочешь. Ты уже так стар, что мама не будет контролировать тебя в таких мелочах, как это. Учись усердно, и ты сможешь спросить меня, если у тебя что-нибудь есть,

чего ты не понимаешь.”

Цзян Ян не ожидал такого ответа и мог только натянуто кивнуть головой,

После того как мать Цинь взяла свой чемодан и ушла, Цинь Сюй самодовольно улыбнулась: “Ты хотел использовать мою маму, чтобы остановить меня? Это моя мама, я, естественно, знаю ее лучше всех. Моя семья довольно беззаботна. Если речь идет о чем-то большом, то у нас будет дискуссия, но если речь идет о чем-то маленьком, как это, она обычно позволяет мне решать самому.”

Цзян Ян закатил глаза.

Цинь Сюй засмеялся: “значит ли это, что ты пойдешь?”

Цзян Ян продолжал молчать. Он нахмурился и начал играть на своем телефоне, игнорируя его. Но Цинь Сюй понимал, что его молчание было косвенным способом согласия.

Цинь Сюй внутренне рассмеялся и подошел к нему, шаркая ногами. Опершись на его плечо, он сказал: “это просто прокалывание ушей. Это даже не твое тело. Почему ты так не хочешь этого делать? Может ли быть так, что ... ты действительно боишься боли? Не беспокойся. Машина, которую они используют, очень продвинутая, ты ничего не почувствуешь.”

Цзян Ян продолжал листать что то в своем телефоне и даже глазом не моргнул. Услышав, как он обвиняет его в том, что тот боится боли, он холодно взглянул на него: “потеряйся”

Цинь Сюй успокаивающе похлопал его по плечу: “Не бойся. Даже если будет больно, я позабочусь о тебе. Детка, не плачь~”

Цзян Ян стиснул зубы. У него так и чесались кулаки, чтобы нанести удар, но он бросил телефон и схватил Цинь Сюя за воротник. Не имея возможности ударить его, он мог только проклинать его: “Пошел ты!”

Цинь Сюй знал, что он только говорит это и не причинит ему вреда. Он сказал с озорной улыбкой: “это не проблема. Ну же, хотя на биологическом уровне это на самом деле я трахаю тебя.”(п.п: там так и было)

Слова Цзян Яна, сказанные ранее в комплексе, теперь были брошены ему обратно.

Цзян Ян холодно усмехнулся и отпустил его руку. Он нетерпеливо сказал: “Я голоден. Что мы будем есть на ужин? Еду на вынос?”

Однако Цинь Сюй сказал: "Ну, я обычно иду и ем в ресторане внизу, но так как ты согласился помочь, я лично приготовлю для тебя."

Цзян Ян: "... ты умеешь готовить?"

Цинь Сюй уверенно сказал: "Да, я умею, и еда, которую я делаю, довольно хороша. Почти наравне с пятизвездочным рестораном."

Цзян Ян встал и без колебаний направился к двери: "я предпочитаю есть внизу."

Цинь Сюй был недоволен: "что ты хочешь этим сказать? Ты мне не веришь?"

Цзян Ян безжалостно ответил: "Это верно!"

Цинь Сюй был удивлен и, видя, что тот не шутит, почувствовал себя немного обиженным. Обычно он не стал бы готовить для кого-то другого, даже если бы они попросили его, но теперь, когда он взял на себя инициативу предложить готовить для Цзян Ян, тот фактически отказался от этого?

В конце концов он привел наивного Цзян Яна в сычуаньский ресторан внизу и в отместку заказал кучу чрезвычайно острых блюд.

Цзян Ян нахмурился: "ты можешь есть острую пищу?"

Насколько он знает, и он, и Цинь Сюй любили есть острую пищу, но они могли принимать только мягкую пряность. Их форма пряности была даже мягкой сладко-пряной, популярной в южных регионах. По сравнению с такими местами, как Чон Цин и Сычуань, его даже нельзя было назвать пряным.

Однако в этот момент Цинь Сюй спокойно кивнул головой. Он спросил: "А почему я не могу?"

Раз уж тот так сказал, что еще он мог сказать в ответ? Он мог только надеяться, что ресторан приспособил пряности к местным предпочтениям.

Когда подавали первое блюдо, сверху его покрывали ярко-красным слоем красного перца и масла чили. Увидев это, Цзян Ян понял, что дела идут не очень хорошо.

Цинь Сюй улыбнулся и сказал: "верно, я чуть не забыл спросить. Ты можешь есть острую пищу?"

За этим презрительным вопросом скрывалось ... Ах, если ты не можете осилить этот маленький

кусочек специи, тогда я закажу для тебя пару более мягких.

Это стимулировало Цзян Яна и, несмотря на то, что первоначально он планировал просто съесть немного зеленых овощей, чтобы заполнить свой желудок, он закатал рукава и приготовился к войне.

“Кто не может этого вынести. Давай его сюда.”

Итак, двое подростков сидели за столом и ели до такой степени, что их лица были ярко-красными, губы распухли и онемели, а лоб покрылся испариной. Они постоянно пили кислый сливовый напиток, чтобы остудить свои рты, и иногда, когда другой не смотрел, высовывали язык, тяжело дыша, прежде чем продолжить есть.

После еды они опять выпили кислый сливовый напиток, чтобы смягчить остроту во рту, все еще пытаясь вести себя спокойно и беззаботно.

Один сказал: “Неплохо. Он не очень острый и на вкус очень вкусный.”

Другой сказал: “по сравнению с тем, что я ел раньше, это недостаточно остро.”

Когда они расплатились по счету, начальница заметила жалостливый взгляд двух симпатичных мальчиков, чьи глаза все еще были красными и слезящимися, и сказала, качая головой: “красавчик, ты не должен заставлять себя, если не можешь принять такую остроту. А то потом об этом пожалеешь.”

Эти двое ответили, покачав головами: “я могу справиться с тим.”

Начальница многозначительно сказала: “Скоро ты поймешь.”

Хотя вы можете чувствовать себя хорошо, когда едите острую пищу, последствия этого очень плохи. Это особенно важно, когда вы идете в туалет.

Ночью, когда Цинь Сюй выходил из ванной, его лицо было бледным и безжизненным. Поддерживая себя за стол, он сказал: “Твою мать, это действительно плохо. Я обоссался до такой степени, что моя задница болит.”

Цзян Ян злорадствовал над его несчастьем: “ты сам навлек на себя несчастье.”

Цинь Сюй сказал сквозь стиснутые зубы: “Ты скоро поймешь мою боль. Может быть, тебе даже хуже будет.”

Поиграв в игры до самой полуночи, Цзян Ян тоже отправился в ванную. Когда тот сел на сиденье унитаза то вздрогнул, и понял — твою мать, это действительно больно.

Эти двое, вероятно, не посмеют съесть ничего острого еще некоторое время после этого случая.

<http://bllate.org/book/13318/1184855>